

Проблемы производительности народного хозяйства¹

VI. Методы регулирования потребления

В предыдущем мы говорили об „общезначимой“ программе потребления. Но что это значит? Как вообще понимать „общезначимость“ такой программы? Предположим, что соответствующий регулирующий орган наметил желательный (с точки зрения под'ема уровня жизни масс) и посильный (с точки зрения возможностей народного хозяйства) об'ем и состав потребления; предположим, что он решил сделать их „общезначимыми“. Но как можно эту „общезначимость“ реализовать на деле? Каков путь от утверждения такой программы к реальному осуществлению ее в том смысле, что население действительно будет строить свое потребление в соответствии с ней, что программа эта будет реально воздействовать на фактическое потребление населения, а не останется литературным только документом.

Означает ли, прежде всего, „общезначимость“ программы, что потребление населения будет шаблонизировано и что программа эта будет навязана населению или даже декретирована в общеобязательном порядке. Надо ли говорить, что у нас нет речи о такой аракчеевской утопии.

Программа потребления должна будет строиться, прежде всего, на основе прогноза спонтанного развития потребления. Регулирующее воздействие она сможет предусматривать только в какой-то правильной пропорции к этому спонтанному развитию. Это воздействие сможет модифицировать естественно складывающиеся тенденции потребления лишь в ограниченных размерах. Практика, и только практика установит допустимые пределы такого модифицирующего воздействия. Может ли оно быть столь интенсивным, чтобы на каких-нибудь 20% определить собой потребление масс или сможет охватить только каких-нибудь 10% естественно складывающегося состава потребления; все это сможет быть решено только на практике.

¹ Окончание, см. „План. Хоз.“, № 3 за 1928 г.

Сказанное относится, однако, только к вопросу об интенсивности этого видоизменяющего воздействия, но оно ничего еще не говорит о методах, какими это воздействие будет (хотя бы в таких ограниченных размерах) осуществляться.

На что, кроме убеждения, сможет здесь опереться регулирующий орган? Предположим, что соответствующий орган наметил корректив к естественно складывающемуся потреблению населения в размерах каких-либо 10—15%. Ясно, как такой корректив может быть намечен; но менее ясно, как он может быть реально проведен в потреблении миллионов, если не говорить о ликвидации индивидуального потребления и переходе к коллективно организованным формам его. Осуществимо ли вообще такое регулирующее воздействие (помимо методов убеждения) в условиях товарно-денежного хозяйства и индивидуально организованного потребления? В известных пределах, безусловно, осуществимо; при чем проводником его становится одна из, казалось бы, наименее социалистических экономических категорий, — цена. Если регулирующий орган хочет выдвинуть вперед и повысить удельный вес какого-нибудь одного элемента потребления масс, то он может достигнуть этого (в известных, конечно, пределах) соответственным снижением цены на данный товар. Если он, наоборот, хочет ограничить потребление данного вида товаров, то он (в известной мере) может достигнуть этого соответствующим повышением цен. Вековая практика с бесспорностью выявляет, что состав потребления подвержен заметным колебаниям в зависимости от цен относящихся сюда товаров. Если некоторые основные элементарные потребности мало эластичны, то потребление по линии потребностей второго и третьего порядка достаточно интенсивно реагирует на изменение цен. Вот почему политика цен может сыграть роль эффективного орудия регулирования среднего состава потребления. Подчеркиваю: конечно, если эту задачу ставить достаточно реалистически.

Таким образом, именно та экономическая категория, которая в досоциалистическом товарном хозяйстве сильнее всего выявляет частный характер этого хозяйства, может в наших условиях стать основным проводником социалистического воздействия. Экономическая функция цены в наших условиях резко меняется.

Как и во многом другом, мы имеем здесь сохранение старой (товарной) формы для принципиально нового содержания.

Возможности такого регулирующего действия, как сказано, не безграничны. Они наталкиваются на двоякого рода границы: 1) субъективно-психологическую, в смысле приемлемости или неприемлемости для населения (с его привычками, уровнем, культурой и т. д.) пропагандируемого изменения состава потребления и 2) объективно-экономическую в смысле возможности или невозможности необходимого снижения цен на протежируемые элементы потребления с точки зрения требований расширенного воспроизводства.

Совершенно очевидно, что снижение цен по той или другой группе товаров не может идти так далеко, чтобы в итоге не обеспечить для всей массы товаров (даже в среднем) восстановительной цены. Очевидно, что для поддержания соответственного расширенного воспроизводства цена на одни товары может быть снижена против ценности только в той мере, в какой на другие товары цены будут подняты выше их ценности с тем, чтобы в массе сумма цен соответствовала сумме реализуемых ценностей. По отдельным товарам цена потому только может быть оторвана от ценности, что в отношении всего товарного мира (на основе других, обратных и компенсирующих отклонений) это отношение будет сохранено. В сущности, любое частное предприятие, имеющее в своем производстве или в своем торговом обороте разнообразную номенклатуру товаров, варьирует цено-ценностное соотношение по отдельным товарам. Совершенно обычна практика, когда та или иная группа товаров продается заведомо в убыток и предприятие компенсирует себя соответственной добавочной прибылью по другим группам.

Товарно-социалистическое народное хозяйство может себе позволить применение этого принципа в значительно более широком масштабе, чем частное хозяйство. По мере того как оно реально овладевает всем народным хозяйством, преодолевает разорванность отдельных отраслей и охватывает народное хозяйство, как целое, оно расширяет поле таких частичных отклонений цены от ценности товара на основе сохранения этого соответствия между суммой цен и суммой ценностей для всего народного хозяйства в целом. В пределах сохранения такого соответствия для всей товарной массы, социалистическое хозяйство может допустить по отдельным товарам довольно далеко идущие вариации.

На деле мы их и осуществляем в течение всех лет нашего хозяйственного строительства. Разве не было периода, когда угольная промышленность работала в убыток только для того, чтобы обеспечить остальным отраслям дешевое топливо? Или, чтобы взять пример, значительно более близкий к личному потреблению, — разве мы по линии издательской работы не проводим такой политики дифференциации цен и значительного удешевления учебников и политической литературы, и разве на этой основе нам не удалось увеличить в бюджете населения элементы культурного потребления?

Таким образом, в указанных границах на основе комбинирования убеждения и политики цен реальное регулирование состава потребления, несомненно, возможно. А это значит, что „общезначимая“ программа потребления из литературного документа и голого волеизъявления регулирующего органа может стать фактором, реально преобразующим потребление масс даже в условиях индивидуально организованного потребления.

VII. Сводная программа

Предположим, что мы формулировали определенную программу в области условий жизни и труда населения. Гуманистическая сторона народного хозяйства получила бы здесь, таким образом, свое выражение. Но одной этой стороной не исчерпывается вся совокупность задач, стоящих перед нашим хозяйством. Мы видели, что в наших условиях задача эта не может быть рассматриваема, как единственная. На ряду с ней народное хозяйство должно обслужить еще и другие задачи, в частности, задачу усиления социалистических моментов в экономике, в самой организации производства и обмена, взятых и независимо от социалистического преобразования потребления ближайших лет.

Та стадия строительства, в которой мы сейчас находимся может быть в известном отношении охарактеризована следующим образом. В области промышленности, железнодорожного и водного транспорта, банковской системы, товаропроводящих организаций мы уже достигли выдающихся успехов в смысле усиления социалистических позиций. В отношении этих областей задача усиления социалистических моментов, как самостоятельная задача, в сущности, уже начинает ступеневываться. В этих областях задача наша в общем начинает исчерпываться задачей поднятия технической культуры, которая на этой стадии уже сама собой будет обеспечивать и укрепление социалистических моментов. В указанных областях это последнее, в сущности, уже почти не требует больше специальных мероприятий, помимо мер, направленных на повышение деловой их организации. На базе тех социальных достижений, которые мы в этих сферах уже имеем, задача укрепления социалистических моментов сводится теперь почти что к индустриализации, деловой рационализации и большей связи с массами.

Иначе дело обстоит в других (двух по меньшей мере) сферах: в известной части заготовительного аппарата (именно сельскохозяйственных заготовок, заготовок кожи, яиц, фруктов и т. д.), где позиции обобщественного сектора еще слабы, а также в области сельскохозяйственного производства, где нам предстоит еще колоссальные задачи и значительные усилия и жертвы по обеспечению социалистических моментов. Если в области промышленности, транспорта, банковской системы и т. д. задача форсирования социалистических тенденций в основном совпадает сейчас с задачей подема технической культуры в этих областях, задачей деловой рационализации, то в области части сельскохозяйственных заготовок и социалистической организации сельскохозяйственного производства мы этого совпадения еще не имеем. Здесь не исключена возможность, что нам на первых порах придется форсировать рост социалистических моментов ценой больших или меньших [технико-деловых и финансовых жертв, даже замедления темпа роста товарности и т. д. В этих

сферах усиление социалистических тенденций должно быть выдвинуто пока еще, как самостоятельная задача, если это неизбежно, проводимая временно хотя бы в разрез с односторонними чисто производственными интересами.

Если на длительные сроки расхождение между социалистическими тенденциями и развитием производительных сил невозможно, то на отдельных этапах конфликты временных интересов того и другого несомненно возможны. Был период, когда мы в отношении промышленности и транспорта имели картину конфликта между моментами социально-политическими, с одной стороны, и производственно-деловыми, с другой. В этот период задача укрепления социалистических моментов выступала, как самостоятельная задача, которой производственно-технический момент должен был быть частично и временно подчинен. Был период, когда наше кооперативное строительство (в сфере товарооборота) характеризовалось теми же чертами, малой рациональностью, значительной дороговизной, большой расточительностью ресурсов, крупными финансовыми жертвами. Но на все это надо было идти во имя обеспечения социалистических моментов, хотя бы в разрез с ближайшими деловыми интересами. Сейчас этот период уже позади, сейчас и в области товаропроводящей кооперативной системы этот конфликт между техническими функциями и социальными тенденциями в основном преодолен, и социальная задача ныне и здесь разрешается, прежде всего, силой технически-деловых достижений, составляющих основной стержень, вокруг которого нанизывается общественная работа и связь кооперации с массами. Но если для указанных сфер конфликт между социальными и деловыми моментами уже позади, то в области указанных отраслей сельскохозяйственных заготовок, а главным образом, в сфере самого сельскохозяйственного производства он еще не пройденная ступень. Поэтому здесь специальный протекционизм в отношении социалистических моментов совершенно необходим.

В области сельского хозяйства мы сейчас вступили в полосу, когда задача социалистического переустройства становится перед нами как одна из основных задач, которая наложит печать на все ближайшее десятилетие. И совершенно бесспорно, что мы будем на первых порах эту задачу решать с некоторыми излишними жертвами по линии финансовой или товарности сельского хозяйства, жертвами, которые на протяжении нескольких лет будут неизбежны, но вскоре же окупят себя. Для длительного периода мы будем иметь совпадение интересов социалистического строительства в сельском хозяйстве с интересами развития производительных сил. Но для нынешней стадии развитие социалистических тенденций в сельском хозяйстве и в части сельскохозяйственных заготовок возможно будет протекать в некотором временном и частичном конфликте с интересами максимального (сегодняшнего) развития товарности и максимальной экономии ресур-

сов. И это более чем естественно. Мы через это прошли в транспорте, в банковской системе, в промышленности, в торговле. Сейчас на известное непродолжительное время нам предстоит это в области сельского хозяйства. Поэтому в этой частной сфере такого рода протекционизм в отношении социалистических моментов, хотя бы ценой известных жертв совершенно необходим.

В этих областях технические достижения или обеспечение гуманистических целей хозяйства еще не разрешают автоматически тех задач социально-организационного характера, которые здесь стоят перед нами. Они должны быть выдвинуты, как самостоятельные задачи. Мы должны сформулировать конкретную программу достижений, которую мы на ближайшее пятилетие здесь ставим перед собой. Задача эта должна быть выдвинута перед народным хозяйством на ряду с гуманистической задачей, ибо для ближайшего пятилетия она не совпадает с последней и не исчерпывается ею.

Но на ряду с этим перед нашим народным хозяйством стоит еще и задача обеспечения экономической независимости и обороноспособности страны (роль здесь индустриализации!).

Если в сфере внутреннего нашего социалистического строительства вопрос об обеспеченности дальнейшего поступательного развития обобщественного сектора (даже в сельском хозяйстве) можно считать в основном решенным (в последнем, конечно, еще не практически, а принципиально), если здесь, несмотря на огромные трудности в области сельского хозяйства, при правильной политике возможность их преодоления нам в полной мере гарантирована, то в области обеспечения обороноспособности страны положение значительно более серьезно. Здесь труднее считать, что нам уже сейчас гарантировано окончательное торжество. Здесь за этот успех необходимо еще напряженнейшим образом бороться, здесь только очень упорные и сосредоточенные усилия могут дать нам известную гарантию, которой мы пока еще не имеем. Поэтому с точки зрения борьбы за торжество социалистического строительства вопросы обороноспособности (в широком смысле этого слова) стоят быть может острее, чем другие. Но именно поэтому здесь нельзя отделяться общими шаблонными утверждениями, а нужен совершенно конкретный, деловой, тщательный анализ тех требований, которые интересы обороны страны предъявляют к народному хозяйству.

Легко может случиться, что конкретный анализ этих требований даст результаты, несколько отличные от той неотчетливой рабочей гипотезы, с которой мы сейчас работаем, когда „вообще“ ориентируемся на интересы обороны. Легко может случиться, что конкретная и деловая разработка вопроса выдвинет вперед требования к одним отраслям промышленности (металл, некоторые виды машиностроения) вместо других (турбиностроение и т. д.) и усилит требования к некоторым отраслям сельского хозяйства (хлопок,

шерсть, кожа), без которых промышленность не сможет обслужить оборону. Во всяком случае, совершенно необходимо, чтобы требования обороны к народному хозяйству были установлены не в форме расплывчатых общих мест, а в конкретной и деловой постановке. И уже во всяком случае ясно, что эти уточненные конкретизированные требования внесут весьма существенные коррективы в программу хозяйственного развития, намечаемую под углом зрения гуманистических задач народного хозяйства.

Мы говорили выше о трех самостоятельных задачах. Конечно, и задача социалистического строительства в сельском хозяйстве и задача обороны Союза подчинены торжеству социализма, а это означает торжество гуманистических задач нашего и мирового хозяйства. В конечном итоге и растущая обороноспособность страны и социализация хозяйственного аппарата создадут широкую базу для гуманизации хозяйства. В этом смысле и эти две задачи подчинены гуманистической. Теоретически связь между ними и именно связь такого характера, конечно, существует. Но связь эта отдаленная. Для ближайших же пяти лет такая непосредственная и прямая связь между ними не может быть полностью прослежена. Попытки установить такую прямую, по коротким линиям, связь между этими тремя задачами в пределах пятилетия были бы схоластическими. Реально, практически для ближайшего отрезка времени они представляют собой скорее три параллельных, самостоятельных задачи, нежели единую организованную систему задач, с приматом гуманистической задачи.

Подчинение двух последних задач первой существует, но связь эта уходит в сравнительно далекое будущее, а в пределах ближайших пяти лет они между собой либо не смыкаются, либо группируются в обратном отношении.

Теоретически для периода, скажем, генерального плана последние две задачи могли бы быть субординированы первой, но в пределах пятилетки они практически являются задачами самостоятельными и независимыми от нее. Поэтому пятилетняя программа может быть только согласованной программой требований, выработанных на основе анализа каждой из этих трех сфер. В той же мере, в какой известная субординация целей здесь возможна и необходима, она для ближайшего пятилетия должна строиться в соотношении, обратном тому, которое должно быть положено в основу генерального плана. Если в последнем примат, по видимому, будет принадлежать уже гуманистической задаче, то для ближайшего пятилетия он должен принадлежать интересам обороноспособности (в широком охвате этого термина, а не только в военно-техническом смысле) и протекционизму в отношении организационно-социалистических моментов хозяйства.

VIII. 0 „телеологии“ и „генетике“

Предположим, что мы сформулировали в соответствии с указанными целями сводную программу народнохозяйственного развития. Что представляла бы собой проделанная работа? В какой мере она могла бы претендовать на научность?

Если поверить буржуазным экономистам, то всякая задача, выходящая за пределы описательной и аналитической разработки сущего переводит предмет в область нормативного, а нормативное не может составлять предмета объективной науки, принадлежа целиком к области субъективных оценок. Поэтому никакое выдвижение народнохозяйственных задач не может быть научным, а следовательно, не может составить предмета и экономической науки, хотя бы такая задача и выдвигалась перед народным хозяйством.

В самом деле, совместим ли, вообще такой „телеологический“ подход с требованиями научности? Нет ли между ними внутреннего противоречия? Ведь наука имеет дело только с необходимой обусловленностью. Последняя имеет место в области причинных зависимостей. Но имеется ли такая необходимость и обусловленность в области целевой и „телеологической“?

Такой вопрос может возникнуть только из предположения, что целевой подход есть подход свободы (в противоположность необходимости и причинной обусловленности), а потому исключаящий возможность научной трактовки. Но такое предположение в корне неверно. Как ни отлична целевая деятельность людей от других жизненных процессов, но она в такой же мере необходимо обусловлена, как и другие природные и стихийно-общественные явления.

В человеческой жизни необходимость получает двойное выявление. В одной сфере эта необходимость осуществляется прямо и непосредственно, помимо каких бы то ни было целей, а в другой она проявляется через полагаемые цели. Целевая и внецелевая форма жизненных явлений есть только две различные формы проявления все той же необходимой обусловленности жизненных процессов. То, что эта необходимость один раз проявляется непосредственно, а другой раз — в форме полагаемых целей, — ничего не меняет в существе самого процесса, как процесса необходимо обусловленного. Только форма проявления его второй раз иная.

Марксизм утверждает причинную обусловленность целей; тем самым он утверждает и возможность научного анализа самих целей. Определяя соотношение между свободой и необходимостью, Энгельс писал: „Свобода есть понимание необходимости“. Он повторял при этом слова Гегеля: „Слепа необходимость лишь поскольку она непонята“. Задержимся несколько на этом.

Всякая ли познанная необходимость обеспечивает свободу? Если эта необходимость только внешней природы или необходимость стихийно развивающегося общества, и эта необходимость находится

во враждебном конфликте с нашей внутренней психофизической необходимостью, как она исторически сложилась, то, очевидно, познанная необходимость внешнего — физического или общественного — мира не обеспечить еще свободы. Энгельс говорит: „Свобода (состоит)... в познании... законов и созданной этим возможности планомерно пользоваться ими для определенных целей“. Следовательно, свобода предполагает два условия: 1) познание закономерной необходимости для наших целей. То обстоятельство, что цели эти необходимо обусловлены нашей психофизической природой (являющейся продуктом как физического нашего развития, так и развития общества, составной частью которого мы являемся), ничего не меняет в том факте, что действительная свобода имеется каждый раз, когда познанная необходимость может быть использована для столь же необходимо обусловленных наших целей. Ибо свобода есть не что иное, как совпадение обеих этих необходимостей.

Совпадение это иногда создается спонтанно, но в подавляющем большинстве случаев оно создается лишь в результате больших преобразовательных усилий, притом, усилий в двух направлениях. Я говорю в двух направлениях, поскольку во взаимоотношениях между человеком и его природным и общественным окружением идут два процесса. Один — направленный на преобразование внешней природы и — революционное или эволюционное — преобразование общественных условий; а наряду с этим идет обратный процесс — переделки, воспитания, приспособления и преобразования человеческого материала для приведения его в соответствие с требованиями развивающихся природы и общества.¹ Здесь идет процесс двойной взаимной переделки, в результате которого через ряд конфликтов и кризисных расхождений прокладывает себе дорогу бесконечный процесс взаимного приспособления.

Цели, которые мы себе ставим, не в меньшей мере, чем все остальное определяются закономерными необходимостями. И так как наша собственная природа составляет часть развивающихся внешней природы и общественного целого, то здесь имеют место только временные и частичные разрывы, а не конститутивные и органические конфликты. Для отдельных людей и для отдельных классов конфликты внутренней необходимости (получающей свое выражение в исторически обусловленных целях) с внешней необходимостью природного и общественного развития, могут достигать значительной остроты. Для класса, корни которого в прошлом, для

¹ „Действуя на внешнюю природу и изменяя ее (человек), в то же время изменяет и свою собственную природу“ („Капитал“, т. I). „Вся история есть не более как постоянное изменение человеческой природы“ („Ницше философия“).

класса, пережившего себя, острота этого конфликта может быть исключительно напряженной. Для класса, представляющего ближайшее будущее, этот конфликт никогда не может достигнуть такой остроты. А чем ближе момент торжества класса — носителя будущего, тем полнее и всестороннее его свобода.

Марксистский детерминизм не отрицает целевой установки,¹ он только вскрывает закономерную необходимость самих целей. В этом марксистском детерминизме есть два аспекта. Один — аспект последующего объяснения. Аспект этот не является единственным. Ибо революционный марксизм не только в последующем порядке объясняет исторические задачи, выдвинутые тем или иным классом, но и пытается активно воздействовать на самое определение целей класса, носителя будущего. Формулирование, выдвижение, активное установление целей, а не только объяснение их в порядке последующего исторического анализа, не в меньшей мере составляет существо марксизма.

Как осуществляет марксизм эту активную свою задачу? Научным методом. Чтобы выдвинутые цели не были случайными, произвольными и утопическими, они должны отвечать исторически данной природе человека (а в классовом обществе — прогрессивного класса) в его живом взаимодействии с развивающейся природой и обществом. Но цели эти могут быть раскрыты и установлены только в результате научного анализа развивающихся природы, общества, класса. Научное установление целей (с одной стороны, установление целей, с другой, — научное установление их) — вот что характеризует одновременно и научную и революционную идеологию марксизма. Разве не в этом отличительная черта научного социализма в отличие от утопического? Разве не в том заключается величие исторического творения Маркса и Энгельса, что они поставили перед рабочим классом научно-сформулированные задачи, задачи выражающие и внутреннюю необходимость рабочего класса, так как он сложился в эпоху развитого капитализма, и внешнюю необходимость

¹ „Паук проделывает операции, сходные с действием ткача, а пчела может пристыдить постройкой своих восковых ячеек любого архитектора. Но есть нечто такое, что с самого начала отличает самого плохого архитектора от самой лучшей пчелы: человек прежде чем слепить ячейку из воска, уже построил ее в голове. В конце процесса труда получается результат, который в начале этого процесса существовал уже в представлении рабочего, существовал, так сказать, идеально. Человек не только изменяет формы вещества, данного природой, он воплощает также в этом веществе свою сознательную цель, которая, как закон, определяет его способ действия, и которой он должен подчинять волю... Во все продолжение труда (здесь) необходима целесообразная воля“. Маркс, Капитал, т. I, стр. 127. Курсив наш.

Это справедливо в отношении всякой сознательной человеческой деятельности. Но в отношении народного хозяйства в целом это приложимо только в условиях социализма.

развивающего материального мира (техника, производительные силы) и общественных отношений. Все величие исторической работы, проделанной марксизмом, заключается именно в том, что он на основе научного анализа этих двух сфер (которые только мысленно, а не в действительности можно разделять друг от друга) выдвинул перед рабочим классом научно-сформулированные задачи и указал тактические и организационные методы их осуществления. Если такое выдвижение научно-установленных целей можно назвать телеологическим, то такая „телеология“ составляет сердцевину революционного марксизма.

Такая телеология вобрала в себя всю каузальную генетику, а не противостоит ей.

Если такая научная телеология стала утверждаться в рабочем движении со времени Маркса и Энгельса, когда рабочий класс только начал закладывать основы своих профессиональных и политических организаций, то насколько полнее такая научная телеология должна характеризовать строительство в период, когда пролетариат конституировал себя, как господствующий класс, утвердил свою диктатуру и овладел основными хозяйственными позициями. Если еще до социалистической революции научная телеология сумела пронизать рабочее движение, то насколько полнее это должно сказаться в послереволюционный период, когда пролетариат в невиданно широком масштабе непосредственно строит социализм.

Если капиталистическое народное хозяйство, являясь хозяйством неорганизованным, развиваясь стихийно, как целое — бессубъектно, а потому и не может иметь своих целей, то планомерно организованное социалистическое хозяйство, имеющее в лице пролетариата — сознательного руководителя национализированного хозяйства, — т. е. своего субъекта, вообще не может строиться иначе, как по типу „телеологическому“. Неизбежность здесь телеологического типа развития должна быть очевидна. Вопрос может идти только о правильности и научности поставленных целей. Поэтому не ставить под сомнение возможность „телеологического“ подхода нужно в наших условиях, а бороться за научную правильность самих целей. Надо элиминировать в них всякую случайность и произвольность, всякую оторванность от внешней и внутренней (класса руководителя) необходимости, подвергнуть их строжайшему научно-критическому анализу. Но делать это надо, одновременно утверждая правомерность самого научно-„телеологического“ подхода.

* * *

Любопытно отметить, что известную возможность научного подхода к целям народного хозяйства (затя для капиталистического хозяйства в общем безнадежная) допускают и некоторые буржуазные экономисты теоретики; но они допускают ее только в очень

узких пределах. Так, на возможности научно-логической трактовки целевого подхода указывает Макс Вебер. Он говорит:

„Я могу каждому, кто обращается ко мне с суждением, содержащим известную оценку, сказать прежде всего следующее: мой дорогой, ты ошибаешься в том, чего ты сам собственно желаешь. Смотри: я беру твое суждение, заключающее в себе оценку, и диалектически его тебе расчлению методами логики, чтобы свести его к последним аксиомам и показать тебе, что в нем заключаются такие возможные „последние“ суждения, типа оценок, которых ты совсем не видел, которые может быть друг с другом совсем не могут ужиться или могут ужиться лишь при помощи компромиссов и между которыми ты должен произвести выбор. Это — не эмпирическая, а логическая работа мысли. Однако, я могу пойти и дальше: если ты хочешь действовать согласно этому определенному и точно фиксированному суждению, заключающему в себе оценку, в интересах определенного должностования, ты должен, основываясь на научном опыте, применять именно такие-то средства, с помощью которых ты можешь достигнуть твоей цели... Если эти средства тебе не подходят, ты должен произвести выбор между средствами и целью. И, наконец, я могу ему сказать: ты должен считаться с тем, что при использовании необходимых для реализации твоих целей таких-то средств, ты, как учит научный опыт, получишь еще и такие-то побочные результаты, которые не входили в твою задачу. Желательны ли тебе эти побочные результаты, да или нет? Вплоть до границы этого „да“ или „нет“ наука может руководить человеком, потому что все, что лежит по эту сторону, представляет собою вопрос, на который эмпирическая дисциплина или логика могут дать ответ, т.е. являются чисто научными вопросами. Но само это „да“ или „нет“ вопросами науки уже не является, а вопросами совести(!) или суб'ективного вкуса(!), во всяком случае такими, ответы на которые лежат в другой сфере человеческого духа“.¹

Если Макс Вебер прав, указывая на возможность научного характера приводимых им моментов нормативной постановки, то объем и границы научного обоснования он определяет в корне ложно. В отличие от марксизма он полагает, что ответ (положительный или отрицательный) на центральный вопрос о самой цели не может быть предметом научного рассмотрения, ибо самое содержание поставленной задачи ни в какой части не может быть выведено из научного познания. Насколько низко стоит он здесь в сравнении с марксизмом.

В отличие от Вебера Гольдшейд вводит и в определение самого материального содержания выдвинутых задач элементы точ-

ного научного обоснования. Он говорит: „Если отдельному лицу не могло бы быть доказано, почему для него более обязательна та или иная цель, то, наоборот, установление той цели, которую должно ставить себе общество, в соответствии с внутренним существом своим(!), является научной проблемой, поддающейся совершенно бесспорному разрешению, подобно всякому иному чисто эмпирическому вопросу. Общественный интерес, предпосылки для сохранения и повышения производительности представляют собой уже данные факты, которые нужно только раскрыть. Менее всего мы способны вести социальную политику без нормативной ее ориентировки, базирующейся на естественных науках; эта политика, если она даст себе отчет в своей истинной природе, может быть не чем иным, как экономией людей. Только в том случае, если описательная и нормативная экономическая наука расширит свои пределы и если будет признана одинаково научная правомерность как свободного от оценок анализа, так и оценивающего анализа, при строгом отграничении применения того и другого расцветет и наша практическая и наша теоретическая работа, что предохранит нас, вместе с тем, и от взаимного отчуждения науки и практики“.¹

В такой сфере, как экономическая политика и хозяйственное планирование, как и в вопросах социальных движений вообще, нельзя избежать целевой установки. Эта целевая установка может быть включена либо нечленораздельно, некритически, случайно и неорганизованно; либо она может быть выдвинута сознательно на основе отчетливого научного подхода, как это сделал марксизм (научный социализм).

Проблемы этого понимания проникают и в буржуазную науку.

„Если на ряду с описательным и каузальным изложением сущего не принимается во внимание должное — должное все-таки прокрадывается тайком через заднюю дверь, и уличные лозунги (даже будучи правым, буржуазный ученый не может не обнаружить своих буржуазных копыт. Л. Ш.) делаются конечными директивами народного хозяйства. Мы должны знать, на какие целевые предпосылки мы ориентируемся, когда оперируем понятием экономии, которое, в конце концов, является понятием типа оценки. Строить науку на непроверенных предпосылках всегда чрезвычайно опасно. Понятие народного благосостояния, которое теперь вновь стало часто применяться, есть не что иное, как общий лозунг (Schlagwort) в устах

¹ R. Goldscheid, „Die Produktivität der Volkswirtschaft“, S. 598.

Или в другом месте: „Следует строго различать рассмотрение вопроса, содержащее в себе оценку и свободное от нее; в этом я схожусь с проф. Вебером. Но нужно столь же безусловно признать, что на ряду с чисто каузально-описательной экономией имеет свое право на существование и нормативная экономия“ (ib. стр. 595).

Правильно же (монистически) сконструировать внутреннее соотношение обоих Гольдшейд, как видно из этой цитаты, не в состоянии.

¹ Max Weber, „Schriften des Vereins für Sozialpolitik“, Bd. 132, S. 582—583; курсив наш.

„здорового смысла“ — нечто весьма расплывчатое. Наука шагнула теперь достаточно далеко для того, чтобы мы уже не довольствовались такими совершенно недифференцированными идеалами. Что совершенно неотъемлемо для каждой теории и для всякой практической деятельности — это точно установленные нормы оценки. Без этого теория не сможет дать практике того, что практика по праву требует от теории. Если отсутствует точное представление задач, которые должно выполнять общественное хозяйство, то мы будем блуждать в темноте также, как и в том случае, когда причинные зависимости хозяйственного механизма не исследованы с достаточной точностью”.¹

Если отбросить совершенно ложное понимание внутреннего соотношения „должного“ и „сущего“ и внеисторическую трактовку „должного“, то в самом требовании научного обоснования этого „должного“ есть правильное зерно.

Гольдшейд (к нему отчасти примыкает и Филиппович), однако, достаточно одинок в буржуазной экономии. И надо признать весьма показательным и характерным (и с точки зрения буржуазной политической экономии правильным), что она отрицает возможность выдвижения перед народным хозяйством научно сформулированных целей. Она не вообще отрицает возможность целевых установок (это стояло бы в кричащем противоречии с действительностью), но она отрицает их научность и общезначимость; она сводит их к произвольным субъективным оценкам, лишенным объективного и руководящего значения. Тем самым она деморализует всякую попытку серьезного целевого подхода к народному хозяйству, выполняя этим классово полезную функцию.

Лишая целевые установки всякого научного значения, она обескровливает и обесценивает их. Хотя она и прибегает для этого к сложному теоретико-познавательному и философскому маневру, но она стоит здесь твердо на капиталистической земле. На деле весь этот философский туман связан с весьма земной вещью: практической бесцельностью формулирования каких-либо задач в отношении хозяйства неорганизованного и бессубъектного, каким является капиталистическое народное хозяйство. Практическая безнадежность целевого подхода в рамках капиталистического народного хозяйства получает свое теоретическое выражение в философском и теоретико-познавательном выхолащивании всякого вообще целевого подхода. Эта операция производится на основе теоретического растления такого подхода и низведения его к рассыпанному множеству частных и субъективных оценок-эпизодов, не допускающих научной консолидации. Такая теоретическая компрометация целевой установки

¹ R. Goldscheid, „Die Produktivität der Volkswirtschaft“, S 595—596, курсив наш

капитализму жизненно необходима, ибо как без этого оправдать фактическое отсутствие даже самонаименованной целевой установки в монументальной громаде капиталистического народного хозяйства.

Исторически правы поэтому те буржуазные теоретики, которые сводят на-нет всякий целевой подход (хотя они и „забывают“, что говорят только за капитализм). Историческую и классовую правду капитализма утверждают только они. И исторически неправы те белые вороны буржуазной экономии (вроде Гольдшейда), которые пытаются в рамках капитализма утвердить научно-целевой подход к народному хозяйству. Затея эта — пустое дон-кихотство. Эти потуги не имеют никакого реального значения, если они не перерастают в протест против самого типа капиталистического хозяйства.

Если бы гольдшейдовские ростки развернулись в последовательную критику капитализма, в революционное противопоставление требований научной телеологии слепой стихийности и неорганизованного капиталистического народного хозяйства, то здоровое гольдшейдовское зерно могло бы сыграть положительную теоретическую роль. Но если все это является лишь бессильными и жалкими поправками к капитализму, то ценность их более, чем сомнительна. Во всяком случае, надо сказать, что правильное понимание капиталистической действительности те, кто отрицает самую возможность научно-телеологического подхода к капиталистическому народному хозяйству.

* * *

Все это касается буржуазных экономистов Запада. Но что сказать о тех, — близких нам, — советских экономистах, которые ухитрились после социалистической революции и в условиях окрепшей советской экономики отрицать правомерность научно-„телеологического“ подхода к нашему народному хозяйству?

Или может быть об этом лучше ничего не сказать.

IX. От задания к проектировкам

Прежде чем произвести наш экскурс в область телеологии и генетики, мы оборвали изложение на сводной программе требований, адресуемых народному хозяйству. Предположим, что эти требования сформулированы. После этого может начаться уже самая работа по планированию народного хозяйства. Сами эти требования намечены на данной стадии только предварительно и глазомерно. Вполне возможно, что они окажутся непосильными для народного хозяйства или, наоборот, недооценивающими его возможности. Поскольку требования эти сформулированы пока лишь предварительно и ориентировочно, тут возможен и недолет и перелет. Лишь в результате составления разработанного хозяйственного плана выяс-

нится в точности, что на деле может дать народное хозяйство в смысле осуществления заданной программы. Когда выяснятся реальные возможности народного хозяйства, самые задания неизбежно будут прокорректированы. Если они отставали от фактических возможностей народного хозяйства, они будут расширены. Если они переоценивали реальные силы народного хозяйства, они будут снижены, при чем такое изменение неизбежно повлечет за собой изменение пропорций и перегруппировку в задачах, входящих в состав сводной программы. Поэтому по завершении первого наброска перспективного хозяйственного плана самые задания должны будут претерпеть известные изменения. А это, в свою очередь, вызовет и соответствующую корректировку самого перспективного плана, пока оба не придут в необходимое соответствие.

Таково рабочее соотношение между программой требований к народному хозяйству и перспективным планом. Как же, однако, пойдет самая выработка перспективного плана? Предположим, что задачи, которые перспективный план должен решить, намечены, что исходные точки для перспективного плана, как они даны в наличном хозяйственном положении, определены. Теперь должен быть намечен путь, каким строящееся хозяйство пойдет от исходного своего положения к решению поставленных задач. Именно здесь и начинается сфера социально-инженерного конструкторства,¹ которое должно составить (должно, но пока еще не составляет) сердцевину нашего хозяйственного планирования. Каким путем оно осуществляется?

Мы знаем динамику хозяйственного развития за истекшие годы; мы знаем конечные данные этого уже пройденного пути, являющиеся для перспективного плана исходными данными. Можно было бы в порядке экстраполяции и использования динамических коэффициентов нарисовать линии дальнейшего развития важнейших элементов народного хозяйства. Но в такой наметке мы рабски следовали бы за прошлым, лишь продолжали бы линию пройденного развития. Мы имели бы здесь рост народного хозяйства, но в старых соотношениях и при неизменных тенденциях в развитии структуры народного хозяйства. Ничего новаторского такой план в себе

¹ „Основные критерии, определяющие способы и размеры каждого отдельного производства, даны в характере, количестве и степени важности потребностей, которые могут быть удовлетворены только при помощи производства, в характере и количестве имеющихся в распоряжении хозяйства средств производства, в естественно предопределенных возможных комбинациях средств производства для изготовления различных продуктов и в данном уровне технического познания, т.е. знания тех многочисленных возможностей комбинирования, которые намечают определенный путь для превращения средства производства в готовый продукт“. Н. Мейер, „Produktion“, „Handwörterbuch der Staatwissenschaften“ Bd. VI, 1925. S. 1110.

не заключал бы. О реконструкции здесь не было бы и речи. Привели бы такой перспективный план к решению поставленных перед народным хозяйством задач? Навряд ли. Встретились ли бы где-нибудь материальные результаты этого стихийного роста хозяйства с заданной программой? Только совершенно случайно это могло бы произойти. Элементов социалистического планирования в таком подходе не было бы никаких. В сущности, даже прогноза здесь не было бы, ибо и прогноз не может отвлечься от неизбежности структурных изменений. Поэтому такой метод означал бы, что угодно, только не метод планирования. Это был бы хвостизм, проектированный в будущее.

А если двигаться обратным путем, от поставленной задачи к ее предпосылкам, идя назад от звена к звену, к последовательным техническим условиям заданного конечного эффекта? Чтобы обеспечить обороноспособность страны, нам нужно обеспечить такое-то материально-техническое снабжение. Чтобы решить гуманистическую задачу, нам нужны такие-то условия труда и быта, такая-то конечная продукция. Для того чтобы их обеспечить, производственный аппарат должен быть построен так-то и так-то. И этот путь последовательных технических условий был бы прослежен звено за звеном в направлении к исходным данным, с которых начинается наше строительство. Что имели бы мы в этом случае? Такой технический анализ заданной программы легко мог бы привести нас к таким условно-выведенным предпосылкам, которых нет в действительности. Поэтому сам по себе и этот метод (по крайней мере, как единственный) не решает задачи перспективного планирования. Очевидно, что ни механическое продолжение в будущее линии прошлого развития, ни односторонний анализ технических предпосылок выдвинутых заданий не обеспечивают сами по себе решения задачи. Очевидно, что на основе использования обоих этих методов, где-то на полпути между первым и вторым должна развернуться творческая работа технического комбинаторства и инженерного конструкторства. В зависимости от того или другого комбинирования наличных ресурсов, от той или другой перегруппировки их, от смелых преобразований в использовании исходных материалов, заданная программа может быть осуществлена или нет. Будет ли она осуществлена или нет, зависит не только от самого задания и не только от исходных материалов, но и от удачности, а может быть и гениальности проекта, от технической квалификации людского материала, который будет программу осуществлять, от культуры его, от его энтузиазма, от напряжения и выдержки, от тщательности работы, от хозяйственности. При тех же исходных материальных ресурсах эффект может получиться совершенно различный в зависимости от правильности конструкторского замысла и от культуры миллионов, работающих над выполнением его. Поэтому, как наперед ответить на вопрос, какое задание, вообще говоря, посылно при

данных материальных ресурсах? Посильность эта есть функция не только материальных ресурсов, но и инженерной и организаторской конструкции и личного фактора миллионов участвующих в строительстве. И трудно сказать, не принадлежит ли в наших условиях перевес именно последним. А между тем, возможности этих двух факторов весьма эластичны. Поэтому ни при каком утвержденном проекте (даже самом что ни на есть оптимальном) нельзя считать исключенным, что какая-либо более удачная инженерная конструкция или более рациональная организация дела позволит полнее использовать наличные материальные и человеческие ресурсы и обеспечит более высокий эффект по линии всех трех или только некоторых из задач нашего народного хозяйства. Вопрос этот есть вопрос факта. Он решается единственно только сравнением фактически предложенных народнохозяйственных проектов, реалистически разработанных и тщательно рассчитанных. Поэтому было бы правильно, чтобы над нашими перспективными планами работало несколько социально-инженерных групп, из которых каждая была бы объединена определенной рабочей гипотезой и конструкторским замыслом, поставленными на службу выдвинутых партией задач. Это позволило бы нам иметь в итоге несколько проектов, конкурирующих между собой. На основе наличия таких проектов плановые органы должны были бы решить, какой из них наиболее полно и надежно решает поставленные партией перед народным хозяйством задачи.

Х. Производительность и целесообразность

Мы утвердили целевой подход к нашему хозяйству и установили необходимость инженерного подхода к народнохозяйственным проектировкам. Какой отсюда вытекает вывод для нашей проблемы производительности народного хозяйства? В сущности один: в отношении нашего хозяйства проблема эта в старой ее постановке (как она ставилась на протяжении столетия) вообще отпадает.

В прежних (буржуазных) трактовках этого вопроса продуктивность народного хозяйства понималась, как продуктивность, имманентная самому хозяйству, как органическая его способность стихийно давать определенный эффект, как спонтанное выявление чего-то внутренне в нем самом заложенного, чего-то с естественно-научной необходимостью из него рождающегося. Мы имели в понятии продуктивности нечто аналогичное чуть ли не понятиям теплотворности, калорийности, т.е. понятиям, выражающим имманентную способность вещества давать определенный эффект. Это старое понимание продуктивности народного хозяйства (и связанных с ним понятий национального дохода и национального имущества, соотношение которых близко понятию производительности народного хозяйства) оказалось бесплодным и в отноше-

нии капиталистического хозяйства. Весьма показательны в этом отношении итоги вековой дискуссии на эти темы, подведенные самими буржуазными экономистами. Я приведу только несколько наиболее ярких выводов, сделанных современными немецкими экономистами.

„Результаты дискуссии показали, что удовлетворительная реконструкция понятия производительности и достаточно отчетливая его формулировка являются еще делом будущего (после столетней-то дискуссии! Л. Ш.). Вообще сомнительно, может ли это понятие претендовать на то, чтобы дальше применяться к науке“ (O. Neurath, „Die Produktivität der Volkswirtschaft“, S. 599).

Мы имеем перед собою „понятие, которое в этом отношении является одним из наихудших, и вместо того, чтобы, как оно этого заслуживает, предать его забвению, стараются спасти его“ (Max Weber, ib., S. 583).

„Выявились результаты, удивившие неосведомленных лиц, но не слишком неожиданные для знатоков истории нашей науки: понятие, занимающее центральное положение в науке и являющееся для нее, повидимому, фундаментальным оказывается крайне невыясненным и неопределенным“ (Salz, ib., S. 592).

„Мы должны... отказаться от всякой попытки определить понятие количественной продуктивности народного хозяйства. В лучшем случае мы можем указать на некоторые симптомы, на основании которых мы затем можем вывести заключение об известной продуктивности народного хозяйства. Но найти что-либо большее, чем симптомы, никогда не удастся. В виду этого, следовало бы отказаться от всяких попыток дать количественное выражение хозяйственной продуктивности“ (K. Diehl, „Theoretische Nationalökonomie“, Bd. II, S. 27—28).

И то же в отношении понятий и данных о национальном имуществе и доходе, соотношение которых вплотную подводит к понятию производительности народного хозяйства („способности“ национального имущества „давать“ тот или иной национальный доход).

„Ни одно понятие не заслуживает больше труда, чем та полезная работа, которую это понятие совершает, а эта польза в случае понятия национального дохода крайне незначительна“ (Schuster, „Volkseinkommen u. Volksvermögen, в „Schriften des Vereins für Sozialpolitik“, Bd. 173, S. 14).

„Возможность использования и продуктивность исчислений национального дохода свелись к нулю“ (Schuster, „Das Einkommen“, 1926, S. 113).

„Результат, к которому я прихожу, не слишком отрадный, так как мы должны подвести тот итог... что именно там, где с национальным имуществом и национальным доходом... связаны самые интересные и для экономиста важнейшие вопросы... мы не

можем предложить необходимого понятия" (K. Diehl, „Schriften des Vereins für Sozialpolitik.“ Bd. 173, S. 12),

Таковы итоги в отношении капиталистического хозяйства. Еще менее старое понятие производительности может быть использовано в нашей хозяйственной системе (хотя и по другим причинам, чем в условиях капитализма). Там оно было неприменимо, ибо капиталистическому хозяйству „имманентен“ только критерий рентабельности; но это критерий не народнохозяйственный, а частнохозяйственный. Установить же народнохозяйственный критерий капитализму вообще не дано. К нашему хозяйству оно неприменимо не потому, что наша хозяйственная система не допускает народнохозяйственного критерия, а потому, что тип этого народнохозяйственного критерия должен быть отличным от старого понятия имманентной производительности.

Наше хозяйство имеет свои задачи. Эти задачи в известном смысле привнесены ему извне, хотя они и определяются уровнем самого хозяйственного развития. Это либо гуманистические задачи, либо социально-политические задачи, либо военные задачи. Старому понятию имманентной продуктивности народного хозяйства в наших условиях противостоит поэтому понятие соответствия эффекта народного хозяйства поставленным перед ним задачам. Производительность здесь не имманентная, а телеологическая. Здесь речь идет о большем или меньшем целесообразности народнохозяйственных результатов.¹

Производительность нашего народного хозяйства должна быть выражена в каких-то качественных показателях. Эти качественные показатели не могут быть найдены внутри самого народного хозяйства. Они могут быть выведены только из задач, перед ним поставленных. Только конкретный характер этих задач (исторически меняющийся) может определить, под каким углом зрения, по каким показателям мы должны оценивать эффективность народного хозяйства. Производительность одного и того же народного хозяйства с одними и теми же материальными результатами получит совершенно различное выражение в зависимости от того, какие задачи были перед ним (научно и реалистически) выдвинуты. При одних она может оказаться высокой, при других — низкой, при одних результаты целесообразными, при других нет, несмотря на то, что материальные результаты оба раза одинаковы.

¹ „Народнохозяйственно продуктивным... является все, что обуславливает состояние, осуществление которого мы считаем задачей народного хозяйства.“ (P. H. Pesch, S. J. „Produktivität der Volkswirtschaft“, Archiv f. Rechts- und Wirtschaftsphilosophie, Bd. IX, S. 330). Или „общее понятие продуктивности... может быть определено только чисто формально... продуктивной является всякая деятельность, приводящая к определенной цели. И таким же формальным... должен быть масштаб“ (Sals, „Die Produktivität der Volkswirtschaft“, S. 593).

Если в старой трактовке продуктивности искали естественного, имманентного измерителя, внутренне соответствующего самому народному хозяйству, то в нашей системе вместе с привнесенными целями мы будем иметь и привнесенный масштаб измерения. Мы измеряем эффективность народного хозяйства его приближением к поставленной задаче. Вне привнесенных задач нужное измерение вообще невозможно,¹ ибо однозначное измерение (не материальных только результатов, а производительности) возможно лишь в смысле соответствия этого эффекта задаче.

Но в нашей трактовке есть и другое отличие. Не только то, что эффект народного хозяйства берется здесь в отношении к поставленной задаче и измеряется не имманентно; но и то, что материальный эффект хозяйства стоит в зависимости не только от стихийных процессов хозяйства, но и от привнесенной в него инженерной конструкции. Мы исходим не из спонтанного роста народного хозяйства, а из способности инженерной конструкции, охватывающей народнохозяйственное целое, поднять коэффициент полезного действия данного народного хозяйства.

Заостряя особенности складывающегося у нас типа хозяйствования, можно сказать, что вопрос о продуктивности народного хозяйства в наших условиях постепенно перерастает в вопрос о степени целесообразности той или другой из конкурирующих народнохозяйственных проектировок. Это перерастание выражает то принципиальное различие, которое имеется между стихийно развивающимся бесструктурным капиталистическим хозяйством и планомерно организуемым советским народным хозяйством, поставленным на службу социалистических целей.

От имманентной оценки (и измерения) к телеологической и от оценки производительности самого народного хозяйства к оценке степени целесообразности народнохозяйственных проектов, — таковы два основных момента, отличающих социалистическую трактовку „проблемы производительности народного хозяйства“ от досоциалистической.

¹ Это и приводит некоторых экономистов, не видящих возможности целевой установки в народном хозяйстве, к отрицанию самого понятия производительности.

„Говорить о производительности народного хозяйства представляется внутренне противоречивым; производство происходит в народном хозяйстве и обуславливается народным хозяйством. Но оно никогда не происходит „при помощи“ народного хозяйства таким образом, чтобы можно было самое народное хозяйство считать простым орудием производства“ (v. Gottl-Ottlilienfeld, „Schriften des Vereins für Sozialpolitik“, Bd. 132, S. 576).